

Эриксон заболел полиомиелитом, и тем не менее долгое время мог вести полноценную жизнь благодаря разработанной им самим программе реабилитации, в ходе которой он испытал над собой некоторые техники, которые потом применял в терапевтическом гипнозе.

В повестях Ольги Колпаковой и Екатерины Мурашовой путешествие представлено не столько как физическое перемещение в пространстве из точки А в точку Б, но и как переход из мира живых в мир мертвых, или из реального мира в параллельный фантастический мир. Путешествие является и внутренним путем, который герои должны пройти, чтобы решить бессознательный конфликт или вылечить психическую травму. Этот путь приводит героев к бессознательным истокам их психики. Именно в бессознательном они находят силы и ключи для решения своих проблем. Эти литературные путешествия представляют определенное сходство с психотерапевтической работой. Так же, как в сказке и других метафорических текстах, употребляемых в терапии, эти произведения действуют образным путем на читателя помимо его сознания, на бессознательном уровне. Читатель-подросток, к которому они обращаются, приглашается к работе над собой. Сопровождая героев на их внутреннем пути, подросток-читатель учится преодолевать внутренние конфликты и травмы, и получает возможность найти на бессознательном уровне ключи к решению своих личных психологических проблем.

Источники

Колпакова О. Как рассердилась кикимора // Колпакова О. Большое сочинение про бабушку. М.: Жук, 2012. С. 67–164.

Мурашова Е. Класс коррекции. М.: Самокат, 2014.

Исследования

Бахляр Г. Избранное: Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2014.

Пропт В. Морфология сказки. Л.: Academia, 1928.

Рудова Л. Дети-аутсайдеры и параллельные миры: реальное и фантастическое в повести Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» // Детские чтения. 2014. Т. 5. №1. С. 201–217.

Фрейд З. Психопатология повседневной жизни. М.: Эксмо, 2015.

Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Азбука, 2012.

Belmont N. Poétique du conte. P.: Gallimard, 1999.

Erickson M., Rosen S. Ma voix t'accompagnera. P.: Hommes et groupes, 1986.

Mills J., Crowley R. Métaphores thérapeutiques pour enfants. Marseille: Hommes et perspectives. P.: Desclées de Brouwer, 1995.

Ragueneau G. La psychothérapie par le conte. P.: L'Harmattan, 1999.

Bettelheim B. The Uses of Enchantment: The Meaning and Importance of Fairy Tales. New-York: Knopf, 1976.

ОБЗОРЫ

В. Чарская-Бойко, М. Иванкина

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ: МИРОВАЯ ТРАДИЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

Статья посвящена феномену литературы для подростков и влиянию классического американского подросткового романа на современную литературу для подростков в России. В центре внимания авторов — разработка социальной тематики в отечественной литературе постсоветского периода, которая во многом продолжая советскую традицию, испытывает влияние американской модели подросткового романа.

Ключевые слова: подростковая литература, советская детская литература, американский подростковый роман, социальная тематика, российская литература для подростков.

Термин «подростковая литература» (teenage/young adult/adolescent literature) имеет узкое и широкое значение. В широком смысле к подростковой литературе относится текст, адресованный читателю определенного возраста: средний и старший школьный возраст, для юношества, 13+ и т. д. (маркеры могут варьироваться). До определенного момента возраст не был критерием в типологии детской литературы. Например, в XIX в. подросток не был отдельным адресатом, а подростковый период в целом не рассматривался как нечто уникальное, заслуживающее отдельного подхода и особого внимания. Лишь в середине XX в. исследования Жана Пиаже в области детской психологии и когнитивного развития позволили выделить подростковый период и говорить о нем, как о важной и изолированной фазе в жизни человека [Pearson 2011, p. 169]. Было доказано, что в этом возрасте у человека формируется способность к формально-логическим операциям, подросток может иметь дело с гипотетическими ситуациями, видеть частное в общем, и наоборот. В этом же возрасте возникают специфические потребности

и интересы, отличные от потребностей и интересов детей младшего школьного возраста и взрослых. В узком значении подростковая литература — это литературное явление американской культуры середины XX в., которое складывалось и развивалось с конца XIX в. и окончательно оформилось в 1950-е гг. после публикации романа «Над пропастью во ржи» в 1951 г.

Подростковая литература — социально-политически и культурно-исторически сформированное и мотивированное явление. Среди художественных характеристик подростковой литературы выделяют острую социальную направленность, повествование от первого лица, языковые особенности молодежной речи, эксперименты с композицией. Одна из центральных проблем подростковой литературы — поиск самоидентичности: культурной, исторической, социальной, национальной, сексуальной и т. д. Тематически книги для подростков отличаются от произведений для более младшего возраста в том числе обращением к сложным остросоциальным проблемам. Их развитие протекало по-разному в разных странах, но время расцвета «проблемных» тем в словесности для подростков в большинстве мировых литератур приходится на 1960–1970-е гг. Генетически литература для подростков связана с американской культурой. Крупные британские исследователи детской литературы Х. Карпентер и М. Причард отмечают, что сейчас ближе всего к американской традиции приблизились лишь шведские авторы, но примеры подростковой литературы можно найти в национальных литературах разных стран [Carpenter, Prichard 1999, pp. 518–519].

Основные характеристики (поэтические, языковые, стилистические и композиционные) подростковой литературы в западной традиции в полной мере формируются в 1960-е годы. Именно в послевоенное время с его экономическим рассветом и колоссальными социальными изменениями появляется новое поколение подростков, впервые названное тинейджерами, с собственной ярко выраженной культурной самоидентичностью [Pearson 2011, p. 169]. Британский исследователь Люси Пирсон настаивает на том, что «развитие подростковой литературы как отдельной категории литературы в 1960-е и 1970-е было тесно связано с тяготением к социальному реализму» [Pearson 2011, p. 171]. Анализируя современные англоязычные тексты для подростков, Пирсон, прежде всего, говорит о характерной для подобной литературы форме повествования — от первого лица. Эпистолярная структура романа, форма дневника (в 2000-е —

интернет блога) и другие формы повествования используются в большинстве текстов для подростков, что дает голос тинейджеру, представителю определенного поколения, заставляет услышать историю от лица ее непосредственного участника. Подобный прием влияет на языковые особенности подростковой прозы: обильное использование современного, живого языка, сленга. Современные книги для подростков отличает ряд мотивов, которые, по мнению исследователей, уходят корнями в культовый роман Сэлинджера: подростковый кризис, мотив конфликта со взрослым миром и мотив поиска идентичности. Взрослые в классической подростковой литературе — непонятные «они», своего рода инопланетяне для подростка. Как отмечают Карпентер и Причард, за небольшим исключением взрослые в классической подростковой литературе — невротики того или иного рода (романы Джона Донована, Барбары Версбы, Пола Зиндела) [Carpenter, Prichard 1999, p. 518].

В 1960–1970-е гг. возникает обозначение «проблемная литература» (problem fiction). Проблемной литературой (problem fiction) в англоязычной критике принято называть произведения, которые затрагивают определенные темы: развод, нищета, физические и умственные отклонения, и другие [Carpenter, Prichard 1999, p. 427]. Она стала популярной, даже модной в 1970-е гг. Социальная проблематика — одна из основных характеристик подростковой литературы. В последние десятилетия XX и начале XXI в. детям пришлось столкнуться с новыми, неизвестными прежде опасностями и трудностями. Карин Калверт пишет: «Родители редко бывают дома, набирает обороты торговля наркотиками, появляются страшные новые болезни, на улицах к детям пристают педофилы — в этом мире невинность делает ребенка уязвимым. Детям приходится быть искусственными и начеку» [Калверт 2009, с. 222–223]. Действительно, за последние десять лет проблематика детской литературы и подростковой литературы значительно расширилась: новые детские болезни, социальные явления (детский алкоголизм, наркомания, курение), насилие в семье, педофилия, постижение своей сексуальной ориентации и другие. В подростковой литературе, которая всегда была социально направленной, невозможно уйти от разговора об острых социальных проблемах, еще сложнее избежать назидательности и морализаторства, которые могут победить художественную ценность текста. Новая проблематика влияет на форму повествования: разговор о тяжелейших вещах в эстетике книжек с картинками становится невозможен, а классическая романная форма,

написанная всезнающим рассказчиком от третьего лица, воспринимается как недостаточная.

Отечественная детская литература имеет свою историю развития социальной тематики. Здесь проглядываются две основные тенденции. Начиная с XIX в., отечественные детские авторы стремились достигнуть в своих произведениях наиболее реалистичного изображения жизни. Например, М. Костюхина пишет о том, что в XIX в. изображение русской жизни включало в себя рассказ о бедных и богатых детях [Костюхина 2008, с. 84]. Но социальные процессы не были главной темой в преимущественно морализаторской детской литературе. Для нее была более важна нравственная проблематика: одна из основных дихотомий первых детских книг — добродетельный-порочный ребенок. Еще одной отличительной чертой отечественных произведений для детей можно назвать постоянное стремление к созданию психологически разработанных характеров, а не типов. В XX в. русские авторы книг для детей самых разных возрастов постепенно создавали все более правдивые произведения и разрабатывали более точные и неоднозначные психологические характеры, осваивая все больший круг социальных тем, впоследствии ставших основными именно в литературе для подростков.

Подробную информацию о развитии отечественной детской литературы в первые десятилетия XX в. дает И. Лупанова в книге «олвека: советская детская литература 1917–1967». Советские авторы, открывая новые средства художественной выразительности, новые решения традиционных тем и новых героев, обратились к постановке жизненно важных проблем. Это было продиктовано не только логикой художественного развития детской словесности, но также связано со стремлением к радикальному отмежеванию от предшествующей традиции, становлением новой идеологии и новой жизни. Социальная тематика проникла даже в литературу для самых маленьких — в аллегорической и поэтической форме (К. Чуковский).

Советская детская литература первых десятилетий, которая, как и взрослая, была проникнута пафосом борьбы за победу социализма, любила книги о подвигах (трудовых и военных). Ее герои — идеальные (как положительные, так и отрицательные) дети, которые фантастически сильны, выносливы, отважны и верны революционным идеям — были важны авторам как представители своего класса, носители определенной идеологии и нравственных идеалов нового общества («Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» В. В. Маяковский). Основной целью советской

детской литературы было трудовое воспитание, основным принципом — «воспитывать — значит революционизировать». Очевидно, изображение психологически точных героев оказалось невозможным в идейной, пропагандистской и строго морализаторской литературе того времени. Однако постепенно в книгах, адресованных детям, появлялись психологические коллизии, семейные драмы, личные отношения, поднимались такие социальные темы как война, сиротство и беспризорничество, взаимоотношения личности и коллектива, национальная самоидентификация, расовая дискриминация, преступность. Но дети, попадающие в те или иные сложные ситуации по причине происходящих в стране больших событий, рассматривались преимущественно как граждане своей страны и строители прекрасного социалистического будущего. Например, такие темы, как личные интимные отношения между людьми, рассматривались как основа воспитания человека и гражданина, а семейная драма оказывалась подходящим материалом для развития нравственных качеств героев.

В отечественном литературоведении нет термина «проблемная литература», во многом потому, что социальная проблематика в нашей детской литературе традиционно подменялась нравственной. Советские герои 1930-х гг. боролись с обманом, врагами (изменниками, предателями, шпионами), подлецами, индивидуалистами, ту-неядцами и преступниками: «Два капитана» (1938–1944) В. Каверина, «Судьба барабанщика» (1938) А. Гайдара, «Застава Павлика Семенова» (1938) В. Вальде. Детские писатели в большинстве случаев изображали традиционную борьбу добра со злом, которая в советской литературе часто оказывалась либо внутренней борьбой героев, либо борьбой наших, то есть хороших, против чужих или тех, кто против нас, а, значит, плохих.

В 1940–1950-е гг. советские детские авторы стали все чаще обращаться к теме трудной судьбы ребенка, причинами которой зачастую оказывались одиночество в семье, дурное воспитание или влияние взрослых: «Стожары» (1948) А. Мусатова, «Дальнее плавание» (1946) Р. Фраермана, «Тетрадь Андрея Сазонова» (1947) Н. Кальма, «Добрый дом» (1955) Слуцкиса, «Сирота» (1955) Н. Дубова. Писатели того времени поднимали вопросы нравственного воспитания и столкновения ребенка с взрослым горем: смерть/уход одного или обоих родителей, появление мачехи или отчима («На тихой улице» (1954) Л. Карелин), материальное неравенство (тема, возникающая в детской литературе еще в 1920-е годы, в 1950-е рассматривается

как противопоставление разных систем воспитания — «Старшая сестра (1955) Л. Ф. Воронкова).

Во второй половине 1950-х и начале 1960-х детские книги продолжали развивать идею воспитания жизнью. Авторы все больше внимания уделяли проблемам взаимоотношений детского и взрослого миров. В 1960-е они пришли к осознанию важности поддержки ребенка, внимания к нему, подготовки его к жизни вне школы и, соответственно, созданию произведений, способных выполнить эту функцию: «Честное комсомольское» (1960) А. Кузнецовой, «Приключения Кроша» (1962) А. Рыбакова. Показательно издание Детгизом в 1961 г. на русском языке книги Януша Корчака «Когда я снова стану маленьким» (1925), которую автор предваряет следующим предисловием «Взрослому читателю»:

...Вы говорите: дети нас утомляют.

Вы правы.

Вы поясняете: надо опускаться до их понятий.

Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься.

Ошибаетесь. Не от этого мы устаем. А оттого, что нужно подниматься до их чувств. Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться.

Чтобы не обидеть [Лупанова 1969, с. 480].

Героями детской литературы 1950–1960-х гг. все чаще становились неоднозначные детские характеры (как положительные, так и отрицательные), помещенные в условия повседневной жизни: «Отрочество» (1953) С. Георгиевской, «Витя Малеев в школе и дома» (1951) Н. Носова, «С тобой товарищи» М. П. Прилежаевой. В этот период целью детской книги стало воспитание не только юных читателей, но и их взрослых воспитателей. Например, в 1960-е в детские книги снова вернулись практически забытые в послевоенные годы темы, связанные с проблемами семейных взаимоотношений, в которых авторы показывают, как отражаются на ребенке семейные конфликты: «Станция “Мальчики”» (1962) Ю. Яковлева, «Последний рассказ» (1960) и «Ожидание» (1963)» Р. Погодина. Понятия, входящие в круг традиционных для советской литературы социальных тем, стали менее однозначными. Если изначально школа изображалась как основное орудие воспитания, то постепенно она оказывалась все более беспомощной перед улицей, которая вошла в детскую литературу как фактор влияния ребенка: «На тихой улице» (1954) Карелина, «В трудном походе» (1956) Л. Кабо, «Пусть не сошлось с ответом» (1956) М. Бреженера, «Новый директор» (1961) Г. Матвеева.

Все более дискредитировалась столь важная для советского искусства и советской идеологии идея коллективизма в целом: «Чучело» (1975) В. К. Железнякова. Если традиционно разговор о Великой отечественной войне подразумевал ясное деление на плохих (фашистов) и хороших (красноармейцев), то постепенно авторы заговорили о национализме и связанных с ним жестокостях, подвергая критическому осмыслению «дружбу народов» в СССР: «Ночевала тучка золотая» (1987) А. Приставкина.

После 1990-х возродившаяся в 2000-е отечественная детская литература обратилась, в том числе, к социальным проблемам постсоветского общества. Сейчас острая социальная тематика чаще отличает книги для средних и старших школьников, подростков. Среди тем, уже известных отечественному читателю: война, сиротство, беспризорничество, неполные семьи, социальное устройство общества, переосмысление отечественной истории. Другие темы появляются в отечественной детской литературе под влиянием западноевропейской традиции и современной жизни: насилие, взаимоотношения полов, дети-инвалиды и дети с ограниченными возможностями, наркотики, алкоголь, проституция.

Один из современных отечественных авторов для подростков, во многом сохраняющих связь с отечественной традицией, — Дина Сабитова. Центральная тема ее творчества — сиротство. Как отмечает Л. Рудова, «советская детская литература о беспризорниках была проникнута духом оптимизма и воспевала положительное, «перекочное» и жизнеутверждающее влияние советской школы и других социальных институтов на жизнь детей и улицы» [Рудова 2014, с. 203]. Сабитова развивает тему сиротства в непривычном для отечественной литературы ключе. Она одна из первых решилась на разговор об этом с маленькими детьми. Ее первая книга на эту тему («Сказки про Марту», 2011), написанная по заказу Алексея Рудова, руководителя проекта «К новой семье!» благотворительного фонда «Семья», рассчитана на детей 4–7 лет. Рассказывая об этом заказе в одном из интервью, Сабитова говорит: «На Западе существует такой тип литературы для приемных детей, который позволяет детям осознать себя, идентифицируясь с героем книги. Но историй о том, как ребенок попадает в семью, как он в ней адаптируется — нет. А приемным семьям такие истории нужны» [Орлова 2011].

В книге «Где нет зимы» (2011) Сабитова показывает, насколько нелегко родителям решиться принять в свою семью чужого ребенка и как может быть тяжело стать приемными родителями. В центре

повествования женщина, которая решила усыновить осиротевшего одноклассника своего сына, но, придя в детский дом, обнаружила, что у последнего есть четырнадцатилетний брат. Она забрала обоих, к чему сама была не готова. Положительным примером своей героини Сабитова показывает, что, несмотря на сложности, со всеми трудностями можно и нужно справиться.

Последняя книга Сабитовой «Три твоих имени» (2012) была задумана как продолжение этой истории. В ее основу легла история приемной дочери автора. Это история девочки, поделенная на три периода: жизнь с родителями-алкоголиками в деревне, жизнь в детском доме и приемной семье, которая отказывается от нее, снова жизнь в детском доме и неожиданное удочерение (уже окончательное). Этот вполне традиционный текст одновременно не лишен постмодернистских элементов. Книга поделена на три части, каждая из которых носит разное женское имя: Ритка, Марго, Гошка. Все это имена героини в разные периоды ее жизни, между которыми девочке приходится пережить сильные психологические потрясения, которые делят ее историю на до и после и, соответственно, влияют на ее характер, образ мыслей и мироощущение. Сабитова показывает, что у любой истории может быть разный конец, как счастливый, так и нет. В конце первой части дом героини сгорает, но ее спасает отец, который решает бросить пить, устроиться на работу и заново выстроить дом; в начале второй части мы узнаем, что Риткины родители во сне сгорели вместе с домом, а ее с младшей сестрой отправили в разные детские дома. Последующий период ее жизни заканчивается тем, что приемные родители забирают ее с собой в другой город, в начале же следующей части оказывается, что ее вернули обратно в детский дом. Но Сабитова не пытается приучить своих читателей к мысли, что в жизни всегда все трагично. История ее героини заканчивается обретением семьи, что похоже почти на чудо.

Книги Сабитовой отличаются психологизмом. В центре ее внимания — ребенок-сирота, его внутренний мир (мысли, переживания, надежды). Писательница деликатно, без лишних эмоций рассказывает истории своих героев, обращаясь не только к детям, оказавшимся в подобной ситуации, но и к окружающим их взрослым. Создавая книги для детей с трудными судьбами, она избегает открытого морализаторства и осуждения. Сабитова обозначает проблему и в лучших традициях советской литературы предлагает своим читателям ее решение.

Один из сложнейших вопросов, которые затрагивает подростковая литература, это вопрос «исторической идентичности». Кто я перед лицом истории, ответственен ли я, как личность, за все человечество, может ли историческое прошлое воплотиться во мне и в моей повседневности? В американской литературе существует сильная традиция антиутопий для подростков («Даритель» (1993) Л. Лоури, «Как я теперь живу» (2004) М. Розофф, трилогия «Голодные игры» (2008–2010) С. Коллинз, трилогия «Дивергент» (2011–2013) Ф. Рот и другие), которая решает проблему большой политики и ребенка иносказательно, через гипотетическую ситуацию. Известны также произведения, в которых события развиваются на фоне острых для истории Америки событий: Вьетнамской войны, протестных выступлений М. Л. Кинга, террористических атак («I am the Cheese» (1977) и «After the first death» (1979) Роберта Кормье, «Побег из Сайгона» (2004) Андреа Уоррен). В отечественной литературе эти вопросы редко становятся темой детской литературы. Екатерина Асонова отмечает: «Дети и большая политика — тема, практически не затронутая литературой для детей, если не считать определенной ее части — дети и война. Да и здесь за редкими исключениями вроде таких книг, как «Облачный полк» Эдуарда Веркина, книжные полки по-прежнему заняты советской агиографией — житиями замученных фашистами пионеров-героев» [Асонова, Бухина 2013].

В советской литературе много писали об определенной части отечественной истории — Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. И. Лупанова пишет, что после войны «главной темой собственно детской литературы стала тема трудной судьбы советского ребенка, лишенного войной детства» [Лупанова 1969, с. 313]. Но решалась эта тема в идеологическом ключе. Перед нами либо «дети-мстители», «юные патриоты, маленькие мстители за Родину, за своих погибших родителей и друзей», играющие «Интернационал» перед жестокой смертью, совершающие героический подвиг и гибнущие, чтобы стать примером для октябрят и пионеров будущего; либо дети-сироты, становящиеся родными для каждого советского человека, ибо, как пишет Лупанова, «в нашей стране не должно быть и не может быть сирот, ибо все ее маленькие жители — родные дети для каждого советского человека» [Лупанова 1969, с. 336]. Книги, написанные о войне в 1940-е и 1950-е годы, учили «правильному пониманию высокого патриотического долга, дисциплины, ответственности за свои поступки» [Лупанова 1969, с. 322].

Однако помимо войны в нашей истории были другие трагические эпизоды, которые практически не затрагиваются, если не замалчиваются, не только в подростковой литературе, но и во взрослой аудитории и публичных обсуждениях. Одной из таких тем является эпоха Сталина и Большой Террор 1937–38 гг. в частности. Как пишет историк Борис Беленкин: «За этот небольшой срок в стране было арестовано один миллион семьсот тысяч человек, из них расстреляно более семисот тысяч» [Ельчин 2013, с. 170]. Писать о «неприятных» страницах истории раньше не могли по причинам цензуры, но и после развала Советского Союза и частичного обнародования архивов, осмысление исторического прошлого также не стало предметом разговора в детской литературе. Разговор с ребенком о нашем общем историческом прошлом сложен еще и потому, что этот вопрос до сих пор остается идеологическим. Вместе с тем, данная тема крайне актуальна в особенности в свете идеи создания единого учебника истории и недавних социологических исследований, согласно которым Сталин был признан «эффективным менеджером».

«Сталинский нос» Евгения Ельчина — авторский дебют и «первая детская книга о событиях, происходивших в 1937–1938 гг. в СССР» на русском языке [Ельчин 2013, с. 169]. Важно отметить, что она была написана на английском языке (оригинальное название «Breaking Stalin's Nose») и издана в США в 2011 г. Позднее Ельчин перевел книгу на русский язык (совместно с Ольгой Бухиной) и издал в России в издательстве «Розовый жираф» в 2013 г. Автор, с 1987 живущий в Америке, получил за «Сталинский нос» одну из самых престижных наград в области детской литературы — Медаль Ньюбери. В послесловии к своему роману Ельчин признается, что импульсом к написанию книги было желание понять «страх, переданный ему», и «прервать передачу страха из одного поколения в другое» [Ельчин 2013, с. 168]. По его мнению, «убивая лучшее в себе из чувства самосохранения, мы делали вид, что верим в идею коммунизма. Но нас объединяла не идея коммунизма — нас объединял страх» [Ельчин 2013, с. 167].

«Сталинский нос» — предельно простое по фабуле и сюжету произведение. Это одни сутки из жизни школьника Саши Зайчика в тридцати главах. Первая глава открывается письмом Саши товарищу Сталину накануне вступления мальчика в пионеры. В небольшой комнате в коммуналке, в которой «живут сорок восемь честных советских граждан» [Ельчин 2013, с. 11], Саша ждет своего папу — работника НКВД. Оба героя — отец и сын — убежденные коммунисты,

говорящие лозунгами, «поющие революционные песни, дожидаясь своей очереди в уборную» [Ельчин 2013, с. 14]. Сашиного папу, офицера НКВД, арестуют ночью по доносу соседа Щипачева-Стукачева. Саша, у которого когда-то была мама-американка, которая приехала из Америки «коммунизм с нами строить», но скорострительно умерла в больнице, остается сиротой, беспризорником. Ему предстоит прожить свой первый день в статусе сына врага народа и освоить язык своей новой реальности: донос, изменник родины, член семьи изменника родины, вербовка, детдом, свидание на Лубянке, передача. Он узнает, чем на практике оборачивается высокая идея о «родных детях», когда родная тетя говорит ему: «Если мы тебя возьмем, нас тоже арестовать могут. Понимаешь? А у нас маленький. Нельзя нам никак» [Ельчин 2013, с. 48]. Скитаясь по обледелой Москве, Саша не превратится в антисоветчика. Напротив, он почти до конца верит в то, что достаточно достучаться до Сталина и несправедливый арест отменят. Но мучительное ожидание папы, страдания от неизвестности и страх заставляют его думать и задавать вопросы, о которых он раньше никогда не задумывался: надо бы спросить у папы, что случилось с мамой? В чем виноват Очкарик Борька Филькенштейн, сын врагов народа, если он всего лишь хотел к родителям? Финал «Носа» открытый и неоднозначный, но современная подростковая литература, в противовес Bildungsroman, в котором протагонист, взрослея, всегда остается победителем, нарушила литературные конвенции и разрешила «плохой» финал. В финале книги Саша оказывается в конце огромной очереди на Лубянке в ожидании свидания с папой.

Книга Ельчина, написанная в традиции американского романа для подростков, наполнена отсылками к русской классике. Первые и очевидные аллюзии — «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына и «Нос» Н. В. Гоголя. Маленький Саша, как майор Ковалев и Иван Шухов, проживает один день. Маленький Зайчик скитается по городу как everypoman Дж. Джойса Леопольд Блум. Один день ельчинского «Носа» продолжает ряд литературных путешествий, но и концентрирует всю сталинскую эпоху. Город Саши Зайчика — это лагерная, жуткая Москва, наполненная страхом и одиночеством.

Ельчин, много лет работавший в издательстве как иллюстратор, несомненно, был знаком и с подростковой американской литературой, что позволило ему говорить со своим читателем на понятном языке, опираясь на знакомые тексты. «Сталинский нос» может быть с легкостью прочитан в традиции антиутопии. За об-

разом Сталина — апелляция к Большому Брату Д. Оруэлла и более близкому подростку Оку Саурана Толкиена. Сталин везде и повсюду: в газетах, книгах, плакатах, портретах, детских акварельных рисунках, в песнях, в мраморных бюстах, на пионерском знамени. Огромный памятник вождю возвышается над Москвой, а сам он сидит в Кремле. Он знает и видит все. Он часть повседневной реальности советского гражданина, общественной и частной. Автор подчеркивает, что перед нами художественный вымысел, но он работает на осознание реального прошлого через сопереживание вымышленному герою.

Несколько по-иному написана вторая книга в ряду современных «политических» книг для подростков — «Сахарный ребенок: история девочки из прошлого века, рассказанная Стеллой Нудольской» (2014) Ольги Громовой. Перед нами фактически документальная проза — книга представляет собой обработанные и записанные Ольгой Громовой воспоминания Стеллы Нудольской о своем детстве, которое пришлось на конец 1930-х. После ареста отца маленькая Стелла (Эля) и ее мама объявляются ЧСИР (члены семьи изменника Родины) и отправляются в лагерь в Киргизии. Семнадцать глав с прологом и эпилогом описывают историю маленького ребенка, который попадает в нечеловеческие условия и благодаря любви и поддержке мамы сохраняет силу воли, достоинство и внутреннюю свободу.

При очевидном различии двух книг, сходения представляются гораздо более важными, так как они задают новый тон в подростковой прозе о политике. Обе книги обращаются к одному из самых кровавых десятилетий XX в. — 1930-м, осмысляя Большой Террор и категорию страха. Обе книги написаны от первого лица: на ситуацию террора, насилия и несправедливости смотрит непосредственно ребенок, что делает повествование предельно искренним и честным. Работает прием остранения, который для проницательного читателя раскрывает шокирующий смысл происходящего. Эффект реальности и сопричастности в «Сахарном ребенке» усиливается фотографиями из семейного альбома Стеллы Нудольской. Для «Сталинского носа» Ельчин создал серию черно-белых иллюстраций, которые берут на себя функцию повествования. Обе книги, несомненно, требуют комментария историка, или, могут быть предложены как дополнительное чтение на уроках истории. Подобное чтение может способствовать развитию критического мышления у подростков, а также повлиять на формирование их гражданской позиции.

Еще одна социальная проблема, затрагиваемая современными детскими авторами, — больные дети. В советской литературе это была табуированная тема, так как граждане СССР были безупречны морально и физически. Сейчас на русском языке издаются переводные книги о больных или неполноценных детях («Загадочное ночное убийство собаки» (2004) М. Хэддон, «Лето Мари-Лу» (2012) С. Каста, «Мария и я» (2014) М. и М. Гаярдо, «Планета Вилли» (2015) Б. Мюллер и многие другие), вспоминают произведения отечественных классиков на эту тему («Дурачок» Н. С. Лесков, «Слепой музыкант» В. Г. Короленко). Появляются и новые тексты. Современные авторы пишут о дифтерии («Карантин» (2004) М. С. Романушко), ДЦП («Маргарита» (2014) М. Богорад), слепоглухоте («Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего не говорю» (2014) И. Поволоцкая), муковисцидозе («Я дышу или Муковисцидоз изнутри» (2013) Г. Московцев), о детях-инвалидах («Бумажные маки» (1999) М. Вехова), об особых детях («Приключения другого мальчика» (2014) Е. Заварзина-Мэмми, «С самого начала...: простая история непростого ребенка» (2015) Н. Кицмаришвили) и многом другом. Чаще всего это биографическая или мемуарная литература, написанная людьми, страдающими тем или иным заболеванием, или их родителями. Авторы не просто делятся своими историями, но стараются показать детям с подобными проблемами, что они могут жить полной, хоть и трудной жизнью. Они также стремятся достучаться до здоровых читателей, демонстрируя, на что способны люди, отделимые от общества, которое классифицирует их как неполноценных, людей с ограниченными возможностями.

Художественные тексты о больных детях пишут также врачи. Один из таких авторов — петербургский детский психолог Екатерина Мурашова. В своих книгах для подростков она говорит об острых социальных проблемах современного общества, многие из которых замалчиваются и взрослыми. Одно из самых известных ее произведений — повесть «Класс коррекции» (2004) — рассказывает о детях-аутсайдерах, отвергнутых обществом. Это школьная повесть: в классе появляется новый ученик, изменяющий жизнь или представления о ней своих одноклассников. Но новенький страдает ДЦП и приходит он в 7«Е» — класс коррекции, в котором учатся «ненормальные» дети. От нормальных их отличают неблагополучные семьи, бедность, трудные судьбы, неврологические или физические отклонения, низкий уровень интеллектуального развития. «Ешки» считают себя уродами, о чем говорят спокойно, так как

считают, что так и есть. Они, озлобленные, пассивные и недоверчивые, но их роднит чувство солидарности и поддержки себе подобных. Герои Мурашовой живут в разобщенном, разделенном (в основном материально) обществе. Сегрегация аутсайдеров у Мурашовой имеет несколько уровней: двоечники и хулиганы попадают в класс «Д», больные (в разных смыслах этого слова) — в «Е», а «откровенные дебилы» со всего района в 371 школу. В центре повествования неоднозначный и сначала даже загадочный персонаж. Антон Антонов — вундеркинд из бедной неполной семьи, самостоятельно поступивший в один из привилегированных гимназических классов, из которого был впоследствии переведен в класс коррекции из-за неврологических нарушений (гипервозбудимость), так как родители его более благополучных одноклассников не хотели видеть такого ребенка рядом со своими детьми. Антон одновременно по своим внутренним качествам и своей жизненной ситуации принадлежит обоим мирам: благополучных и отвергнутых. Его глазами мы видим окружающий его раздробленный мир. Неудивительно, что именно он оказывается героем, который организует операцию по спасению красавицы Стеши от посягнувших на нее старшеклассников.

Мурашова старается быть максимально объективной, что интерпретируется критиками, как шаткость морали ее произведений, в которых отсутствует прямое осуждение отрицательных героев. Она фиксирует проблему, выводит читателя из зоны комфорта, обращает его внимание на существующие в нашем обществе проблемы и, самое главное, — на ребенка, который оказался в трудном положении. Мурашова обнажает многие проблемы современного российского общества. Они как будто сконцентрированы в судьбах ее героев. Митька — малоразвитый (умственно, физически и социально) алкоголик из многодетной семьи, мать которого постоянно ухаживает от своих семерых детей. Его подруга Витька, присматривающая за ним и его братьями-сестрами, — бездомная девочка, вынужденная заниматься проституцией. Другого одноклассника — Таракана — пьяный отец избивает за то, что тот заступился за мать. Все это происходит не тайно, взрослые знают об этом, но никто не пытается им помочь. Школьные учителя только и ждут, когда Ешки и Дэшки закончат 7 класс, покинут их гимназию навсегда и перестанут бросать тень на ее безупречную репутацию.

В лучших традициях подростковой литературы, взрослые в книгах Мурашовой устрашающе апатичны. Их дети оказываются один на один со своим внутренним миром, и что самое страшное —

с взрослым миром, непонятным и жестоким. Эта идея наиболее ярко проиллюстрирована историей Стеши. Эта самая красивая девочка в классе как будто потеряла связь с внешним миром, закрылась в своей прекрасной оболочке и не реагирует ни на какие внешние раздражители. Это произошло после того, как ее отец, не хотевший, чтобы бывшая жена увезла единственную дочь в другую страну, забаррикадировался с ней в квартире и отстреливался через дверь. После произошедшего девочка провела три дня одна в опечатанной квартире, прячась в тумбочке. Это привело к тому, что она решила больше не вступать с контакт с окружающим ее миром.

Единственный взрослый (во всей гимназии), который относится к «ешкам», как к людям, — пытается улучшить их жизнь, разрушить стену, которая отделяет их от остальных учеников и не желающих иметь к ним никакого отношения взрослых — молодой учитель географии Сергей Анатольевич. У него вызывает недоумение, что с учениками негимназических классов «администрация ведет себя так, как будто бы их уже списали со счетов... как брак... Но ведь они же остаются детьми! Живыми, чувствующими!» [Мурашова 2013, с. 122]. Но ему постоянно напоминают, что «школа не может изменить мир, который существует за ее пределами» [Мурашова 2013, с. 122], потому что это «всего лишь слепок с общества в целом» [Мурашова 2013, с. 124].

Из страшного реального мира подростки Мурашовой уходят в параллельный мир, мир фантастики. Он оказывается органически связан с их подсознанием: в нем исполняются их самые заветные желания, о которых они не говорят, а некоторые из них даже не подозревают. Фантастический мир дает им возможность отдохнуть от постоянной борьбы, которую они вынуждены вести в реальной жизни. Они получают то, о чем мечтают: Юра избавляется от ДЦП, почти слепой и глухой Мишаня обретает зрение и слух, Антон получает приключения и соответственно, возможность, дать выход своей гиперэнергии. Фантастический мир оказывается необходимой этим травмированным детям терапией. Он исцеляет нанесенные в реальном мире раны, восстанавливает их душевное равновесие (о механизмах использования фантастики см. в: [Рудова 2014]). Интересно, что герои Мурашовой не хотят остаться в нем навсегда. Получив столь нужный им положительный заряд, они обретают надежду, в них зарождается вера в то, что, возможно, и у них есть свое место в мире, возможно, и они смогут добиться чего-то в будущем. Все критики единогласно отмечают слабую прорисованность

фантастического мира у Мурашовой. Но, во-первых, «Класс коррекции» без волшебства превратился бы в чернуху. Во-вторых, общеизвестно, что детям, а особенно трудным детям жизненно необходима сказка и волшебство. В случае с героями Мурашовой — по-видимому, это оказывается единственным способом позволить детям испытать положительные эмоции, без которых их сердца окончательно затвердеют, что превратит их в будущем в таких же людей, которые сделали их детство трудным, а значит, к появлению очередных несчастных детей. Фантастический мир у Мурашовой выступает как сознание героев, где происходит сложный процесс осмысления происходящего, поиск себя и выбора своего пути. Британский исследователь Марина Николаева считает, что фантастика раскрепощает героев, давая им возможность выходить за рамки дозволенного и поэтому по своей природе имеет «подрывной потенциал» [Мурашова 2013, с. 208]. Именно это и происходит в книге Мурашовой: с помощью фантастики ее герои уходят (хотя бы на время) с пути, навязанного им взрослыми, и начинают сомневаться в его строгой определенности. Борьба с автоматизмом, переход определенных границ — именно то, что делает персонаж героем произведения. В следующей книге «Гвардия тревоги» (2008), во многом повторяющей «Класс коррекции», герои Мурашовой находят поддержку не в фантастике, а в технологии, а главное, как и в предыдущем произведении, — друг в друге.

С художественной точки зрения, повесть Мурашовой далека от совершенства. Многие образы и ситуации кажутся слишком типизированными, а оттого одномерными, финал неожиданный. Автору очевидно важно всеми возможными средствами подтвердить основное содержания своего сообщения. Стремясь дать слово тем детям, которых в обычной жизни никто не хочет слушать, автор пытается максимально точно воспроизвести их речь, к сожалению, не всегда удачно. Но важно помнить, что подростковая литература написана в первую очередь для детей. Мурашова пытается поговорить с теми детьми, от которых отвернулись буквально все взрослые, показать им, что выход всегда есть. Но, к сожалению, им придется искать его самим. Сейчас в мировой детской литературе дети часто меняются ролями с взрослыми: иногда это игра, иногда — жизненная необходимость. Но нельзя сказать, как это делают некоторые критики, что автор совсем не предлагает никакого решения. Ее герои помогают друг другу. Кто-то по собственной инициативе, кто-то по принуждению, кто-то вслед за остальными. Но именно вместе они оказываются

достаточно сильны, чтобы сопротивляться злу. Как и предполагает подростковая литература книга Мурашовой имеет открытый финал: класс коррекции расформируют, Юра умирает от ДЦП, его родители берут к себе младшую сестру Митьки, у которого остается еще пятеро братьев и сестер. Несмотря на то, что «ешки» оказываются буквально на улице, они не отчаиваются, уверенные, что как-нибудь «прорвутся». Опыт, полученный ими в фантастическом мире, приводит их к принятию или к осознанию возможности принятия своей жизни [Рудова 2014, с. 215].

Современные отечественные детские писатели, как и их предшественники, стремятся максимально приблизить свои тексты к реальной жизни и наделить героев индивидуальными характерами, а также ставят перед читателями сложные нравственные вопросы. Им важно не только приоткрыть внутренний мир подростка взрослым, но поговорить с детьми, столкнувшимися с определенными социальными проблемами: показать, что они не одиноки, подсказать, если это возможно, выход из сложной ситуации, ответить на вопросы, дать возможность объективно, со стороны взглянуть на то, что с ними происходит. Поскольку в отечественном литературоведении нет строгого жанрового определения «подростковой литературы», то способом ее определения у нас сейчас является возрастная стратификация (литература для среднего и старшего школьного возраста), которая часто маркируется издательством, а не автором, и социальная тематика. Но несмотря на то что развитие так называемых «трудных» тем продолжается в отечественной литературе уже на протяжении нескольких десятков лет, мы все еще не можем говорить о сформировавшемся жанре русского подросткового романа. Во многом это связано с теорией «счастливого, безоблачного детства советских детей». Интересно, что ее расцвет пришелся на 1930-е годы, на время, когда детские авторы среди прочего рассказывали своим маленьким читателям о гигантском размахе социалистической стройки, о долге, ответственности, патриотизме, коллективизме, интернационализме («Шекамята (1931) А. И. Мусатов, «Военная тайна» (1935) А. Гайдар). Идея безоблачного детства настолько крепко укоренилась в отечественном сознании, что привела к современным спорам о том, нужны ли нашим подросткам остросоциальные книги на темы, которые взрослые не хотят или не готовы с ними обсуждать (насилие, секс, однополая любовь, религия, репрессии, терроризм). Но постсоветская детская книга, испытывающая неизбежное влияние переводной западной литературы

и западной традиции, усомнилась в однозначности этой идеи и ее адекватности. Ряд традиционно волновавших отечественных писателей социальных проблем (социальное неравенство, война, сиротство и беспризорничество, взаимоотношения личности и коллектива) в постсоветской детской литературе значительно расширился за счет выше названных проблемных областей. Можно также говорить о влиянии на нашу литературу не только тематики, но и стилистики западного подросткового романа: свобода творческого поиска, неконвенциональность письма, отсутствие самоцензуры и страха внешней цензуры — эти аспекты разрабатываются современными русскоязычными писателями, пишущими для подростков. Таким образом, российский подростковый роман нулевых годов, продолжая с одной стороны отечественную литературную традицию, оказывается в открытом диалоге с западным культурным кодом.

Источники

Громова О. К. Сахарный ребенок: история девочки из прошлого века, рассказанная Стелой Нудольской. М.: КомпасГид, 2014. 160 с.

Ельчин Е. Сталинский нос. М.: Розовый жираф, 2013. 176 с.

Мурашова Е. Класс коррекции. М.: Самокат, 2013. 192 с.

Сабитова Д. Три твоих имени. М.: Розовый жираф, 2012. 192 с.

Исследования

Асонова Е., Бухина О. Кому страшен «Сталинский нос»? [Электронный ресурс] // Colta.13.09.3013. URL: <http://www.colta.ru/articles/literature/286> (дата обращения: 29.03.2015)

Калверт К. Дети в доме: материальная культура раннего детства, 1600–1900. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 272 с.

Костохина М. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX вв. М.: ОГИ, 2008. 224 с.

Лупанова И. Полвека: советская детская литература 1917–1967: очерки. М.: Детская литературы, 1969. 669 с.

Орлова А. Дина Сабитова и три ее «детдомовских» книги [Электронный ресурс] // Татьянин день. 29.09.2011. URL: <http://www.taday.ru/text/1224423.html> (дата обращения: 28.03.2015)

Рудова Л. Дети-аутсайдеры и параллельные миры: реальное и фантастическое в повести Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» // Детские чтения. Вып. 5, №1, 2014. С. 201–217.

Pearson L. Children's literature. York Press, 2011. 338 p.

Carpenter H., Prichard M. The Oxford Companion to Children's literature. Oxford University press Inc. 1999 588 p.

СЛОВО БИБЛИОТЕКАРЯМ

Е. Кузьмина

ОДИН ГОД ИЗ ЖИЗНИ ДЕТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Мы спрашиваем детей, пришедших к нам на экскурсию-приключение: «Что такое библиотека?», и слышим в ответ: «Там много книг! Они там хранятся!» «А зачем?» — спрашиваем мы, библиотекари. И тут начинается самое интересное. Действительно, зачем в наши дни нужна детская публичная общедоступная библиотека?

Ленинградская областная детская библиотека (ЛОДБ) была основана в 1968 г. как методический центр для детских библиотек Ленинградской области, городских и сельских. Особенность нашей работы, как методического центра и самой крупной детской библиотеки Ленинградской области, в том, что мы разрабатываем и ведем программы для читательского сообщества Ленинградской области, выезжаем в города и села, организуем различные мероприятия для детей и библиотекарей, а также обслуживаем детей Санкт-Петербурга из близлежащих микрорайонов. В нашей библиотеке за год происходит множество событий, связанных с книгами, чтением, и прежде всего — с читателями. Они — главные. Свою основную задачу мы видим в поддержке читателей: детей, подростков и их близких взрослых, в том, чтобы помочь каждому лучше понимать себя и других в этом мире.

Проект «Чтение без границ» направлен на знакомство читателей с новыми книгами и проживание, проговаривание значимых для них тем в диалогах с писателями, издателями, со взрослыми и друг с другом. Читательский год начинается с «Волшебного дня чтения», который объединяет библиотеки Ленинградской области и их читателей (и нечитателей) в «Неделю детской книги». Во всех библиотеках области проходят интересные встречи, начинаются «читательские приключения». В ЛОДБ, например, приезжают «лидеры чтения»¹ из нескольких районов Ленинградской области, на читательский праздник традиционно приходят воспитанники детских домов Ленинградской области. Участвуя вместе в библиотечных событиях, дети делятся радостью открытия книги.